

Одоевский В. Ф.

РУССКИЕ НОЧИ

Литературно-художественное издание

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-4
0-44

Вступительная статья *Вл. Муравьева*

Оформление переплета *М. Суворовой*

На переплете фрагмент картины *Н. Ге*

Одоевский В. Ф.
0-44 Русские ночи: Роман. Повести. Рассказы. Сказки / В. Ф. Одоевский; [вступ. ст. Вл. Муравьева]. — М.: Эксмо, 2007. — 640 с. — (Русская классика).

ISBN 978-5-699-24954-1

«Мне бы хотелось выразить буквами тот психологический закон, по которому ни одно слово, произнесенное человеком, ни один поступок не забываются, не пропадают в мире, но производят непременно какое-либо действие; так что ответственность соединена с каждым словом, с каждым, по-видимому, незначащим поступком, с каждым движением души человека». Этими словами Владимира Федоровича Одоевского (1804—1869) можно обозначить основную идею его творчества — идею взаимосвязи между всем и вся, идею ответственности каждого перед всеми, идею о том, что добро не может быть напрасным, так или иначе оно прорастет в мире.

Произведения Одоевского остроактуальны, как актуальна для каждого человека его жизнь, жизнь современного ему общества, жизнь планеты. Философские, аллегорические, фантастические, они предлагают читателю ключ к пониманию своей души, к развитию своей личности, к вдохновенной и творческой жизни, которой жил их автор.

В книгу вошли: роман «Русские ночи», повести и рассказы, а также цикл «Пестрые сказки с красным словцом...».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-4

ISBN 978-5-699-24954-1

© Владимир Брониславович Муравьев,
вступительная статья, 2007

© 000 «Издательство «Эксмо», 2007

Русский Фауст

*Что нужно нам, того не знаем мы,
Что ж знаем мы, того для нас не надо.*

Гёте. *Фауст. Часть первая*

*До гор болото, воздух заражая,
Стоит, весь труд испортить угрожая,
Прочь отвести гнилой воды застой —
Вот высший и последний подвиг мой!*

Гёте. *Фауст. Часть вторая*

В 1838 году Владимир Федорович Одоевский написал, а в 1844 году напечатал в журнале «Отечественные записки» рассказ «Живой мертвец».

Создание этого рассказа относится к наиболее плодотворному периоду творческого пути писателя: в тридцатые годы им написаны все его основные и лучшие произведения. В 1838 году Одоевскому было 35 лет. По воззрениям древних, это — середина жизни; в тридцать пять лет человек вступает в пору духовной зрелости и способен к познанию законов и тайн бытия. Идея «Божественной комедии» пришла Данте, и он начал свою великую поэму, говоря его же словами, «земную жизнь пройдя до половины» — в возрасте тридцати пяти лет.

Рассказ «Живой мертвец» — ключ к пониманию личности Одоевского, его литературного творчества и общественной деятельности. В нем заложена главная идея его мировоззрения.

Содержание этого рассказа составляет сон (что позволило рецензентам и критикам того времени отнести его к разряду фантастических), приснившийся главному герою — Василию Кузьмичу Аристидову, петербургскому чиновнику, достигшему довольно значительного положения и продолжающему пре-

успевать. Так вот, Василий Кузьмич имел неосторожность прощать «на сон грядущий какую-то фантастическую сказку», и ему приснилось, что он умер. Но его душа, отделившись от тела, не вознеслась, а осталась в Петербурге. Далее рассказывается о том, как Василий Кузьмич, состоящей теперь из одной души, без тела, невидимый никому, но и сам не имеющий возможности вмешиваться в земные дела, посещает те же самые места, что и при телесной жизни, и наблюдает последствия своих земных дел. Сам себя Василий Кузьмич злодеем не считает: поступал он всегда, блюя собственный интерес, «смотря по обстоятельствам» и твердо уверен, что «наказывать» его «не за что». К тому же и один из его подчиненных свидетельствует, что он «эдаких, знаете, злодейств не делал». Но оказывается, что его мелкие мошенничества, подлоги, обманы, клевета, по его собственному убеждению и мнению окружающих, — не значительные «грешки» с неумолимой, жестокой закономерностью порождают целую цепь событий и поступков, которая в конце концов оборачивается для людей большими несчастиями. Жертвой обстоятельств, вызванных к жизни Василием Кузьмичом, становится и его родной сын, ради счастья которого он и совершил свои «грешки». Видя все это, Василий Кузьмич начинает понимать истинный характер своих дел и в страхе восклицает: «Мои дела, как семена ядовитого растения, — все будут расти и множиться!.. Что ж будет наконец? Ужас, ужас!..»

Сон Василия Кузьмича Аристидова — образное, художественное воплощение идеи. Но Одоевский, не удовлетворившись образным воплощением идеи, дает при этом же произведении логическое, рациональное ее определение. Он снабжает рассказ эпиграфом «Из романа, утонувшего в Лете», эта подпись не оставляет сомнений, что эпиграф сочинен самим автором. Обычай употреблять автоэпиграфы был распространен в 1820–1830-е годы, например, таковы эпиграфы к «Пиковой даме» А.С. Пушкина.

В эпиграфе Одоевский формулирует: «Мне бы хотелось выразить буквами тот психологический закон, по которому ни одно слово, произнесенное человеком, ни один поступок не забываются, не пропадают в мире, но производят непременно

какое-либо действие; так что ответственность соединена с каждым словом, с каждым, по-видимому, незначащим поступком, с каждым движением души человека».

Восприятие мира, Вселенной как единого целого, связанного всеобщей зависимостью, составляет основу мировоззрения Одоевского — космического мировоззрения, которое только сейчас начинает усваиваться человечеством.

Из понимания всеобщей взаимосвязи вытекает, во-первых, ответственность каждого за каждый свой поступок перед всем человечеством. Одоевскому это обостренное чувство ответственности было присуще в высшей степени.

И, во-вторых, твердое убеждение в том, что никакой труд, направленный на благо общества, не пропадает зря. В одном из самых последних своих произведений, статье «Недовольно» (1867 г.) — ответе на полную пессимизма и разочарования статью И.С. Тургенева «Довольно» — он писал: «...не один я в мире, и не безответен я пред моими собратьями — кто бы они ни были: друг, товарищ, любимая женщина, соплеменник, человек с другого полушария. — То, что я творю, — волею или неволею приемлемся ими; не умирает сotentное мною, но живет в других жизнью бесконечною. Мысль, которую я посеял сегодня, взойдет завтра, через год, через тысячу лет; я привел в колебание одну струну, оно не исчезнет, но отзовется в других струнах гармоническим гласовым отдаием».

Этими двумя принципами — ответственностью и уверенностью в нужности для человечества его труда — определялась нелегкая, самоотверженная, «странная», по мнению многих современников, жизнь и деятельность Одоевского.

«Князь Одоевский принадлежит к числу наиболее уважаемых из современных русских писателей, — писал В.Г. Белинский в статье 1844 года «Сочинения князя В.Ф. Одоевского», — и между тем ничего не может быть неопределеннее известности, которую он пользуется. Скажем более: имя его гораздо известнее, нежели его сочинения».

Так было в 1844 году, таким же положение оставалось в последующие десятилетия, и почти таково оно и в настоящее время. В этом есть своя закономерность и свои причины. Жизнь и деятельность Одоевского настолько слились с историей рус-

ской общественной жизни и русской культуры 1820–1860-х годов, что его невозможно выделить из этой эпохи, а эпоху — представить без него.

Имя Одоевского обычно упоминается в связи с биографиями многих замечательных деятелей русской культуры первой половины XIX века. «Судьба жизни не раз ставила меня в весьма близкие сношения с замечательнейшими организациями нашего времени (Д. Веневитинов, Грибоедов, Пушкин, Жуковский, Лермонтов, Кольцов, Глинка и мн. др.)», — вспоминал В.Ф. Одоевский под конец жизни. Если учесть, что среди этих «мн. др.» значатся Кюхельбекер, Гоголь, Белинский, Киреевские, С.Т. Аксаков, Герцен, Достоевский, Тургенев, Островский, Чайковский (и опять-таки перечисление далеко от полноты, и его приходится снабдить тем же самым замечанием — «и мн. др.»), то становится понятным, насколько часто и на каких славных страницах истории русской культуры и общественной жизни можно найти имя В.Ф. Одоевского. В литературной судьбе многих из перечисленных писателей он сыграл важную и положительную роль.

В 1824–1825 годах Одоевский выступает горячим защитником и пропагандистом «Горя от ума» Грибоедова. По первой книге он оценил Гоголя. «На сих днях вышли “Вечера на хуторе”, — <...> писал Одоевский 23 сентября 1831 года другу юношества А.И. Кошелеву. — Они, говорят, написаны молодым человеком, по имени *Гоголем*, в котором я предвижу большой талант: ты не можешь себе представить, как его повести выше и по вымыслу, и по рассказу, и по слогу всего того, что доныне издавали под названием русских романов». Одоевский «с дружеским участием», как свидетельствует Погодин, ввел Гоголя в круг петербургских литераторов. Еще в рукописи Одоевский познакомился с романом Достоевского «Бедные люди» и характеризовал молодого писателя как «огромное дарование». Так же проницательно, верно и без всяких оговорок он принял первую пьесу Островского «Свои люди — сочтемся», которая в первоначальном варианте называлась «Банкрот»: «Если это не минутная вспышка, <...> то этот человек есть талант огромный. Я считаю на Руси три трагедии: “Недоросль”, “Горе от ума”, “Ревизор”; на “Банкроте” я поставил номер четвертый».

Одоевский — друг Веневитинова, Кюхельбекера, поэта-декабриста А.И. Одоевского, друг и сотрудник Пушкина по изданию «Современника», друг Глинки и молодого Чайковского, человек, стоявший в течение сорока лет — с 1820-х до 1860-х годов — в центре русской литературной и культурной жизни, самозабвенно заботившийся обо всех, хлопотавший, отстававший каждое новое начинание, представлявшееся ему нужным для страны и народа, в какой бы области оно ни было предпринято: в литературе, музыке, науке, технике, народном образовании, юриспруденции — он как бы растворился во всех этих делах, в работах и сочинениях, или одобренных им, или поддержаных, или предпринятых по его замыслу.

Одоевский не написал воспоминаний. Он имел обыкновение делать лишь краткие, отрывочные записи — мысли и факты, пришедшие на ум и на память по какому-либо слуху или при чтении какой-либо книги. Однажды он записал: «С летами я замечаю, что сделал в жизни большую глупость: я старался на сем свете кое-что делать, и учился искусству кое-что делать — но забыл искусство рассказывать о том, что я делаю». Мы тоже можем только пожалеть, что Одоевский сам не рассказал о «деле», которому он посвятил свою жизнь.

Но именно дело, труд составляли смысл и счастье жизни Одоевского. Про одного из героев своей повести он писал: «То был один из тех счастливцев, которым нельзя не завидовать. Целый век и целый день он был занят...» Такое же счастье знал и Одоевский.

За свою жизнь, которую он, кстати, называл «чернорабочей», Одоевский успел сделать необычайно много. Так много, что современники не смогли оценить и даже просто охватить взглядом его деятельность в полном объеме. Только уже в наше время, когда существуют исследовательские работы об Одоевском как литераторе, как музыкальном деятеле, теоретике-педагоге, химике, электротехнике, транспортнике, философе, просветителе, начинает вырисовываться его настоящая роль и настояще место в истории русской культуры. В его сочинениях, как справедливо отмечает современный исследователь творчества Одоевского В. И. Сахаров, «достаточно много живых идей и весомых проблем, отнюдь не ставших истори-

ей», а как ученый он «начинал задумываться над проблемами, тогда лишь еле брезжившими, едва намеченными, а сегодня подступившими к нам вплотную».

Некоторое представление о широте, характере и направлении занятий дает запись Одоевского, сделанная им в последние годы жизни: «Смеются надо мною, что я всегда занят! Вы не знаете, господа, сколько дела на сем свете; надообно вывести на свет те поэтические мысли, которые являются мне и преследуют меня; надообно вывести те философские мысли, которые открыл я после долгих опытов и страданий; у народа нет книг, — у нас нет своей музыки, своей архитектуры; медицина в целой Европе еще в детстве; старое забыто, новое неизвестно; — наши народные сказания теряются; древние открытия забываются; надообно двигать вперед науку; надообно выкачивать из-под праха веков ее сокровища. Там юноши не знают прямой дороги, здесь старики тянут в болото, надообно ободрить первых, вразумить других. Вот сколько дела! Чего! я исполнил только тысячную часть. Могу ли после этого я видеть хладнокровно, что люди теряют время на карты, на охоту, на лошадей, на чины, на леность и проч., проч.».

Перечень дел Одоевский начинает с литературной работы. Прежде всего он был писатель.

2

Владимир Федорович Одоевский родился 31 июля 1804 года в родовой московской городской усадьбе князей Одоевских на Неглинной, в приходе церкви Сергия Радонежского, что в Крапивках, в которой он и был крещен.

Его отец — князь Федор Сергеевич Одоевский — принадлежал к одной из родовитейших семей русского дворянства. Он был более родовит, чем царствовавшие в России Романовы, и вел свое происхождение от Рюрика.

Мать — Екатерина Алексеевна, в девичестве Филиппова — по своему происхождению была из незнатных и небогатых дворян. Ко времени вступления в брак с князем Одоевским она имела официальный статус «дочь прапорщицы», то есть вдовы

прапорщика. Вполне вероятно, что ее отец-прапорщик выслушал свой чин из солдат. В литературе имеются также сведения, что она «была из крепостных».

Ко времени рождения Владимира Федоровича род Одоевских обеднел, отец служил директором Московского асигнационного банка, и сам Владимир Федорович всегда жил скромно, а временами даже и бедно.

Когда В.Ф. Одоевскому не было и пяти лет, умер его отец, мать вторично вышла замуж, а мальчик остался в семье родственников отца, которые были назначены его опекунами. Он чувствовал себя одиноким; «я никогда не наслаждался благом семейственного щастия», вспоминал он о своем детстве впоследствии.

К этому времени относится начало дружбы с двоюродным братом — будущим декабристом А.И. Одоевским: «Александр был эпохой в моей жизни. Ему я обязан лучшими минутами оной. В его обществе я находил то, чего я везде искал и нигде не находил». Эта дружба продолжалась и в последующие годы.

В 1816 году Одоевский стал посещать Московский университетский благородный пансион — дворянское учебное заведение, дававшее университетское образование. Программа Московского благородного пансиона включала в себя преподавание естественных и гуманитарных наук, преподавателями были профессора университета. Пансион давал глубокое и разностороннее образование, из него вышли многие выдающиеся деятели России первой половины XIX века: Жуковский, Грибоедов, Вяземский, Чаадаев, Лермонтов, декабристы В.Ф. Раевский, Каховский, Н.М. Муравьев, Н.И. Тургенев и другие.

Пансиону Одоевский обязан систематическими знаниями в области гуманитарных наук — всеобщей и русской истории, словесности, языков, в области естественных — физики, химии, биологии. Пансион приучил Одоевского к научным занятиям, и знания, полученные в нем, явились хорошим фундаментом дальнейших научных изысканий.

Но важнее всего богатства фактических данных, сообщаемых ученикам преподавателями пансиона, был дух преподавания, царивший в нем. Тон в преподавании задавали профессо-

ра, которые стремились вызвать в учениках стремление к знанию, умение размышлять, ставить перед собой вопросы. В этом отношении характерной фигурой был профессор М.Г. Павлов, читавший курсы физики и сельского хозяйства, о котором современник рассказывает, что «он заставлял каждого студента задуматься над коренными вопросами всякого научного изучения: «...что значит *познать* природу? что значит познать самого себя?»

М.Г. Павлов и профессор философии И.И. Давыдов были горячими сторонниками идеалистической натурфилософии Шеллинга и последовательно проводили ее в своих лекциях.

В пансионе Одоевский с особенно большим интересом изучает философию. Ее способность приводить в логическую систему все разнородные факты природы и бытия и объяснять их происхождение и зависимость захватывает его.

За неуемную жажду познания друзья тогда уже прозвали его Фаустом, а его квартира в Газетном переулке, неподалеку от Благородного пансиона, была похожа на кабинет этого легендарного ученого, каким его изображали художники.

«Две тесные каморки молодого Фауста, — описывает жилище Одоевского Погодин, — <...> были завалены книгами... на столах, под столами, на стульях, под стульями, во всех углах, — так что пробираться между ними было мудрено и опасно. На окошках, на полках, на скамейках, — склянки, бутылки, банки, ступы, реторты и всякие орудия. В переднем углу красовался человеческий костяк... К каким ухищрениям должно было прибегнуть, чтобы поместить в этой тесноте еще фортепиано, хоть и очень маленькое, теперь мудрено уже и вообразить!»

Не менее сильное, чем отвлеченная и сухая логика философских систем, на Одоевского имела влияние литература, и в первую очередь — романтическая поэзия Жуковского. Друг его юности Кошелев вспоминает, как они, молодые студенты, любили совершать прогулки по Подмосковью, которые вошли в обычай после «Бедной Лизы» Карамзина, начинавшейся рассуждениями автора о приятности пешеходных путешествий по окрестностям Москвы.

Главную прелест подобных прогулок составляло их литературно-поэтическое настроение.